

Пепел и клятва

18+

Кейн Вейл

Пепел и клятва

<https://litres.ru/74683894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — Палач. Его прикосновение убивает.

Кайрос не помнит, когда в последний раз чувствовал что-то, кроме голода. Голод — это его магия. Его проклятие. Его приговор. Одно касание к живому — и оно умирает.

Она — пустая. В мире, где магия есть у всех, Иви не чувствует ничего. Ни чужой силы. Ни чужой боли.

Когда Палач хватается её за руку в приграничной таверне, он замирает. Впервые за годы — тишина. Ни голода. Ни агонии. Только она.

Он забирает её как лекарство. Она думает, что её похитил монстр.

Он и есть монстр. Но теперь у монстра есть то, что он не может отпустить. И весь мир готов заплатить, чтобы её отнять.

Кейн Вейл

Пепел и клятва

Часть 1

Кайрос вошёл в таверну, когда за окнами уже стемнело настолько, что мир за пределами дверного проёма стал чёрным, как внутренности его собственной магии.

Он не хотел заходить. Он хотел пройти мимо — дальше по тракту, к перевалу, к поместью, где его ждала сестра с книгой на коленях и вопросом в глазах, на который у него не было ответа. Но голод скрутил живот так, что он остановился. Не от слабости — от боли. Голод Кайроса не имел ничего общего с едой. Еда не помогала. Еда никогда не помогала.

Ему нужно было чужое.

Он толкнул дверь. Таверна встретила его запахом жареного мяса, кислого эля и пота — плотным, живым, человеческим. Кайрос ненавидел человеческие запахи. Они напоминали ему о том, чего он не мог себе позволить.

— Наёмник? — спросила женщина за стойкой, окинув его

ВЗГЛЯДОМ С ГОЛОВЫ ДО НОГ.

Он был в дорожном плаще, с мечом на поясе и лицом, которое не располагало к вопросам. Женщина не отвела глаз. Кайрос ценил это — она не паялилась, не отшатывалась, не пыталась угадать, что за человек перед ней. Просто спросила и ждала ответа.

— Наёмник, — сказал он.

— Комната или только ужин?

— Ужин. И комната.

Она кивнула на свободный стол в углу — у стены, лицом к выходу. Он выбрал это место сам, ещё до того, как она указала. Привычка. Палачи не сидят спиной к двери.

Кайрос сел. Снял перчатки — медленно, аккуратно, следя за тем, чтобы не коснуться стола голой кожей. Дерево не пострадает. Дерево вообще не живое. Но привычка сидела глубже любого контроля.

Голод поднялся изнутри, как тошнота, и он стиснул зубы. Слишком долго. Слишком далеко от дома. Последний раз он «ел» три дня назад — взял у дезертира, которого поймали на

границе. Тот умер быстро. Кайрос не жалел. Дезертир убил бы его первым, если бы мог.

Но трёх дней хватило, чтобы голод снова стал болью.

Он заказал эль. Не помогло. Сделал глоток, поставил кружку, уставился в стену. В голове было пусто и тихо — та тишина, которая бывает перед бурей. Или после. Он уже не различал.

И тут дверь снова открылась.

Кайрос не поднял головы. Не было причин. Люди входили и выходили, смеялись, спорили, пили. Он не смотрел на них. Смотреть на людей, которых не можешь коснуться, — всё равно что смотреть на еду через стекло.

Но что-то изменилось. Он не сразу понял, что именно. Запах? Нет. Звук? Нет. Что-то другое. Тонкое, почти незаметное, как сквозняк из щели в стене.

Голод отступил.

Не исчез — отступил. На полшага. Как зверь, который слышал шорох и замер, принюхиваясь. Кайрос замер вместе с ним.

Он поднял голову.

Она шла между столами с подносом в руках — молодая женщина в простом платье, с завязанными на затылке волосами. Не красивая в том смысле, который имеют в виду, когда говорят о красивых женщинах. Обычная. Незапоминающаяся. Такие не привлекают взглядов.

Но голод Кайроса смотрел на неё так, как смотрят на воду в пустыне.

Он не понимал. Он не мог понять. Она не была магом — он чувствовал бы магию, любую, даже самую слабую. Она не была никем. Пустое место. Дыра в мире, где все обладают силой.

И именно эта дыра заставила его сделать то, чего он не делал годами.

Он перестал чувствовать боль.

Кайрос застыл, боясь шевельнуться. Голод, который скручивал его изнутри три дня, отступил ещё на шаг. Потом ещё. Боль в животе, в груди, в костях — та боль, с которой он просыпался каждое утро и засыпал каждую ночь, — начала

таять.

Он смотрел на неё.

Она поставила поднос на соседний стол, улыбнулась кому-то, сказала что-то — он не слышал слов, только звук голоса, обычный, человеческий. И с каждым её шагом голод уходил. Не навсегда. Но достаточно, чтобы он смог вздохнуть.

Кайрос сжал кружку так, что побелели костяшки.

Он не знал, что это. Он не знал, как это возможно. Но он знал одно: он не позволит ей уйти.

Она подошла к его столу.

— Что-нибудь ещё? — спросила она, и он посмотрел на неё снизу вверх, отмечая всё сразу: серые глаза, тонкие запястья, пятно муки на рукаве, лёгкую усталость в уголках губ. Обычная. Совершенно обычная. И всё же.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она моргнула. Не испугалась — удивилась. Наёмники в этой таверне, должно быть, не спрашивали имён.

— Иви.

Иви. Короткое. Простое. Как она сама.

— Иви, — повторил он, и голос прозвучал хрипло, чужим голосом.

Она ждала. Не отводила глаз, не нервничала, не пыталась уйти. Это было странно. Люди обычно чувствовали, что рядом с ним что-то не так. Что-то, что заставляло их отступить, не понимая почему. Она не чувствовала.

— Принеси ещё эля, — сказал он.

Она кивнула и ушла.

Кайрос смотрел ей в спину, и голод возвращался. Медленно, неохотно, как вода, которая заливает яму. Чем дальше она уходила, тем сильнее становилась боль. Когда она скрылась за дверью кухни, голод ударил так, что он согнулся пополам.

Он знал, что делать.

Он знал это ещё до того, как она вернулась с кружкой в руках.

Пьяный дебошир появился ближе к полуночи. Кайрос не запомнил его лица — только голос, громкий и пьяный, который требовал ещё выпивки и не принимал отказа.

Иви оказалась рядом. Она всегда оказывалась рядом — он следил за ней краем глаза весь вечер, и с каждым часом голод отступал всё дальше, пока не превратился в тупое, терпимое эхо.

Дебошир схватил её за локоть.

— Ты что, не слышишь? Я сказал —

Кайрос не помнил, как встал. Не помнил, как оказался рядом. Только чувство — горячее, злое, собственническое, — которое поднялось из груди и вытеснило всё остальное.

Он перехватил запястье дебошира и сжал.

Мужчина вскрикнул. Кайрос не применил магию. Только

силу. Только руку, которая могла бы убить, если бы он захотел.

— Уйди, — сказал он тихо.

Дебошир ушёл. Быстро, спотыкаясь, оглядываясь через плечо.

Кайрос стоял, чувствуя, как злость уходит и остаётся что-то другое. Что-то, чему он не знал названия.

Иви смотрела на него. Не с благодарностью — с настороженностью. Правильно. Умная.

— Спасибо, — сказала она.

Он не ответил. Он смотрел на её запястье — тонкое, бледное, свободное. И понимал, что всё это время его собственная рука была в перчатке. Он не касался её.

Он хотел коснуться.

Это желание было сильнее голода. Сильнее всего, что он чувствовал за последние годы.

Кайрос снял перчатку.

— Что ты делаешь? — спросила она, и в голосе впервые прозвучал страх.

Он взял её за руку.

Кожа к коже. Пальцы к запястью. Простое касание, которое должно было убить.

Тишина.

Голод исчез. Боль исчезла. Мир, который всегда кричал внутри него, замолчал — полностью, абсолютно, впервые за долгие годы.

Кайрос закрыл глаза.

— Что ты такое? — прошептал он.

Она вырвала руку. Он позволил. И голод вернулся — резко, как удар, — но теперь он знал, что это можно остановить. Что есть способ. Что есть она.

Иви отступила на шаг. Её глаза были широко раскрыты, дыхание сбилось. Она боялась. И правильно.

— Кто ты? — спросила она.

Кайрос посмотрел на свою руку. На пальцы, которые только что держали её запястье. На кожу, которая не обожглась, не покрылась волдырями, не почернела.

— Тот, кто забирает, — сказал он.

Он поднял взгляд.

— Собирай вещи. Ты уходишь со мной.

Иви не стала собирать вещи. У неё их и не было — кроме платья на плечах да медной монеты, зашитой в подол. Она дождалась, пока мужчина в плаще отвернётся к стойке, и скользнула в коридор, ведущий к чёрному ходу.

Дверь была тяжёлой и скрипела. Иви толкнула её плечом, вывалилась в холодную ночь, вдохнула воздух, пахнущий мокрой землёй и дымом, и побежала.

Она знала эти места. Каждый камень за таверной, каждая тропа через огород, каждая щель в заборе — она выросла здесь, ей не нужно было думать, куда ставить ногу. За забором начинался лес, а в лесу была старая охотничья тропа, которая выводила к мельнице. На мельнице жил человек, у которого была лошадь. Дальше — тракт, а по тракту — до

любого города, где её никто не станет искать.

Она успела добежать до забора.

Рука легла на плечо сзади — не грубо, но так, что Иви поняла: её остановили. Не толкнули, не схватили за волосы, не ударили. Просто остановили, как останавливают дверь, которую пытается распахнуть ветер.

— Не туда, — сказал он.

Иви развернулась. Он стоял в темноте, и она не слышала, как он подошёл, — вообще ничего не слышала, ни шага, ни дыхания. Плащ он не застегнул, и в свете, падавшем из окна таверны, она увидела его лицо. Молодое. Слишком молодое для того, что она успела прочитать в его глазах за вечер.

— Отпусти, — сказала она.

— Нет.

Она дёрнула плечом. Он не держал. Просто убрал руку, и от этого стало хуже — как будто ей дали возможность уйти, зная, что она не сможет.

— Я не понимаю, что тебе нужно, — сказала Иви, и голос

предательски дрогнул. — Я ничего не сделала. Я просто работаю. Я просто...

— Я знаю, — сказал он. — Ты ничего не сделала.

Он помолчал. Ветер прошёл по двору, взъерошил ему волосы, и он не отвёл взгляда.

— Я болен, — сказал он наконец. — Не так, как ты думаешь. Не заразно. Но это внутри меня, и это убивает. Медленно. Каждый день.

Иви не ответила. Она ждала, что он скажет дальше, и ненавидела себя за то, что ждала.

— Когда ты рядом, — продолжил он, и голос стал тише, — мне не больно. Впервые за годы. Я не знаю почему. Я не знаю, что ты такое. Но я не могу это отпустить.

— И поэтому я должна идти с тобой? — спросила она. — Потому что тебе больно?

Он посмотрел на неё так, будто она задала вопрос, которого он ждал, но на который у него не было хорошего ответа.

— Нет, — сказал он. — Ты не должна. Ты можешь от-

казаться. Можешь вернуться в таверну, и я уйду. Но тогда я умру. Не завтра. Может, через год. Может, через два. Но умру. И ты будешь жить дальше, зная это.

Иви хотела сказать, что это не её проблема. Хотела сказать, что она не отвечает за чужую смерть, что она не просила его болеть, что она вообще не просила ничего из этого. Слова уже были на языке — злые, правильные, честные.

Но она вспомнила, как он взял её за руку.

Вспомнила его лицо в этот момент. Не злое. Не голодное. Растерянное. Как у человека, который всю жизнь провёл в шуме и вдруг услышал тишину.

— Что я получу взамен? — спросила она.

Он моргнул. Не ожидал.

— Что ты хочешь?

— Не знаю. — Она скрестила руки на груди, потому что иначе они бы дрожали. — Ты сказал, что непустишь. Значит, я буду с тобой. Значит, ты мне что-то должен. Не кров, не еду. Это ты и так дашь, иначе я не буду рядом. Я хочу что-то, что ты не обязан давать.

Он молчал. Ветер снова прошёл по двору, и где-то за домом залаяла собака.

— Я не умею предлагать, — сказал он наконец. — Я умею только забирать.

— Тогда научись.

Иви сказала это резче, чем собиралась. Но не отвела взгляда. Не отступила. Если он хотел её — пусть получит её целиком, а не только ту часть, которая молчит и кивает.

Он смотрел на неё долго. Потом кивнул — коротко, как будто принял решение, которое ему не нравилось, но которое он не мог оспорить.

— Одна услуга, — сказал он. — Когда ты попросишь, я сделаю. Что угодно. В пределах возможного.

— Что угодно, — повторила Иви.

— Что угодно, кроме одного. — Он шагнул ближе, и она почувствовала, как от него идёт холод — не зимний, не уличный, а другой, который не имеет отношения к погоде. — Ты не попросишь меня отпустить тебя. Это единственное, чего

я не смогу сделать.

Она хотела сказать, что это нечестно. Хотела сказать, что он ставит условия, которые делают её пленницей, как бы он это ни называл. Но что-то в его лице остановило её — не страх, не жалость. Что-то другое, чему она не знала названия.

— Хорошо, — сказала она. — Одна услуга. Кроме этого.

Он кивнул и отвернулся.

— Иди в таверну. Собери то, что хочешь взять. Через час мы уедем.

— Куда?

— Домой.

Иви смотрела ему в спину — широкую, прямую, неподвижную. Он не обернулся. Не сказал больше ни слова. Просто стоял и ждал, пока она уйдёт.

Она пошла к таверне. У самой двери обернулась — он всё ещё стоял там, в темноте, и смотрел ей вслед.

Иви толкнула дверь и шагнула внутрь, в тепло и свет, и только тогда поняла, что даже не спросила, как его зовут.

Она спросит. Позже. У неё будет время. Целый час, а потом — дорога, и дом, который она не выбирала, и человек, который не мог её отпустить.

Она поднялась в свою комнату, села на кровать и стала ждать. Час прошёл быстрее, чем она ожидала.

Иви собрала немного: платье на смену, тёплую шаль, медную монету, вынутую из подола, да нож, который держала под подушкой, — маленький, кухонный, с обмотанной тряпкой рукоятью. Она сунула его за пояс и накрыла шалью. Не то чтобы она думала, что сможет им воспользоваться. Но без него было бы страшнее.

Когда она спустилась, он уже ждал у дверей. В плаще, застёгнутом до горла, с мечом на поясе, с лицом, которое ничего не выражало. Рядом стояла лошадь — не крестьянская кляча, а тёмная, крупная, с длинной шеей и умными глазами. Вторая лошадь, оседланная, но без всадника, стояла чуть поодаль.

— Это мне? — спросила Иви.

— Ты умеешь ездить?

— Я умею держаться в седле. Это не одно и то же.

Он не усмехнулся, но что-то в его лице изменилось — на волосок, на миг. Потом он подошёл к ней, взял её руку и вложил в неё поводья. Кожа к коже. Она не успела отшатнуться, а он уже отпустил — быстро, как будто обжёгся.

— Держись рядом, — сказал он. — Не отставай. Если устанешь, скажи. Если замёрзнешь, скажи. Если проголодаешься, скажи.

— А если я захочу повернуть назад?

Он помолчал.

— Скажи и это.

Он помог ей сесть в седло — коротко, без усилий, как будто она ничего не весила. Иви устроилась, поправила шаль, взяла поводья. Лошадь под ней переступила с ноги на ногу и фыркнула, но не попыталась сбросить.

Они выехали со двора в темноту. Таверна осталась позади — пятно света, которое быстро уменьшилось и исчезло

за поворотом. Лес сомкнулся вокруг дороги, и стало тихо. Только копыта по мокрой земле, только ветер в ветвях, только дыхание лошадей.

Иви украдкой посмотрела на него. Он ехал чуть впереди, и в темноте его лицо было почти неразличимо — только профиль, резкий, как у птицы. Он не смотрел на неё. Не проверял, не следил. Просто ехал, и от этого ей стало спокойнее, чем следовало бы.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он не ответил сразу. Прошло столько времени, что она решила — не услышал или не хочет отвечать.

— Кайрос, — сказал он наконец.

— Кайрос, — повторила Иви, пробуя имя на языке. Оно было не таким, как имена людей, которых она знала. Не из её мира.

— Это имя или титул?

— И то и другое.

Больше он ничего не сказал, и она не стала спрашивать.

Но имя осталось — тёплое, тяжёлое, неудобное, как камень в кармане. Она повторила его про себя ещё раз, чтобы не забыть.

К рассвету они свернули с тракта на узкую дорогу, которую Иви бы не заметила, если бы не он. Дорога шла через лес, поднималась в гору, петляла между камнями. Лошади шли медленнее, и Иви начала чувствовать усталость — в спине, в ногах, в глазах, которые слипались, несмотря на холод.

Она не сказала. Он и так знал.

— Здесь, — сказал он и остановил лошадь.

Иви посмотрела вперёд и увидела дом. Не замок, не крепость, не то, что она ожидала. Каменный дом с высокой крышей, увитой сухим плющом, с узкими окнами и большой дверью. За домом — конюшня, дальше — ряд деревьев, за которыми угадывались другие постройки. Всё это стояло на краю обрыва, и за обрывом начиналось небо — серое, пред-рассветное, бесконечное.

— Это твой дом? — спросила она.

— Да.

Он спешился первым и подошёл к ней. Иви уже поняла, что он собирается делать, и всё равно вздрогнула, когда его руки сомкнулись у неё на талии. Он снял её с седла так же легко, как посадил, и поставил на землю. На миг она оказалась слишком близко — так близко, что могла бы разглядеть морщинки в уголках его глаз, если бы там было больше света. Потом он отступил.

— Внутри есть люди, — сказал он. — Они тебя не тронут. Я скажу.

— Люди?

— Слуги. Охрана. — Он помолчал. — И моя сестра.

Иви замерла.

— У тебя есть сестра?

Он посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего она раньше не видела, — не страх, но близко к нему.

— Её зовут Лисса, — сказал он. — Она больна. Ты пой-

мёшь, когда увидишь.

Он не объяснил, что это значит, и Иви не спросила. Он пошёл к двери, и она пошла за ним, потому что другого выбора не было, и потому что ноги сами несли её, и потому что она вдруг поняла: этот человек, который мог убить её одним касанием, боялся за кого-то ещё сильнее, чем за себя.

Дверь открылась. Тёплый воздух ударил в лицо — запах воска, хлеба и сушёных трав. В прихожей горела лампа, и навстречу уже шла женщина в тёмном платье, с седыми волосами, убранными под платок.

— Кайрос, — сказала она, и в голосе было больше облегчения, чем почтительности. — Мы не ждали тебя так скоро.

— Я вернулся раньше, — сказал он. — Где Лисса?

— В своей комнате. Она всю ночь не спала. Всё спрашивала, где ты.

Кайрос кивнул. Потом обернулся к Иви, и женщина проследила за его взглядом — впервые заметила её, стоявшую у двери, с шалью на плечах и с дорожной пылью на подоле.

— Это Иви, — сказал он. — Она будет жить здесь. Отве-

ди её в комнату на втором этаже, ту, что с окном во двор. Накорми. Дай одежду.

Женщина не спросила, кто она такая. Не спросила, почему. Только кивнула и сказала:

— Как прикажешь.

Кайрос снова посмотрел на Иви. Секунду, не больше.

— Я приду, — сказал он. — Позже. Нам нужно поговорить.

Он ушёл — вверх по лестнице, быстрым шагом, как будто что-то тянуло его туда. Иви смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, и только тогда поняла, что стоит в чужом доме, среди чужих людей, в мире, который не выбирала.

Женщина подошла к ней.

— Пойдём, — сказала она. — Тебя как звать-то?

— Иви.

— Иви, — повторила женщина. — Я Марта. Пойдём, накормлю тебя, а то ты с дороги сама не своя.

Иви пошла за ней, и впервые за эту ночь мысль о еде показалась ей не пустой, а настоящей.

Комната на втором этаже была маленькой, но тёплой. Кровать с шерстяным одеялом, стол, стул, узкое окно с видом на двор. Марта принесла хлеб, сыр, кувшин молока и платье — простое, тёмное, но чистое. Иви поела, переоделась и села на кровать, собираясь дожидаться Кайроса, чтобы поговорить, как он сказал.

Она не заметила, как уснула.

Проснулась она от того, что в комнате кто-то был.

У двери стояла девочка. Лет двенадцати, может, меньше — худая, бледная, с длинными тёмными волосами и глазами, которые казались слишком большими для её лица. Она смотрела на Иви, не двигаясь, и в её взгляде было что-то, от чего Иви села на кровати, не успев подумать.

— Ты кто? — спросила девочка.

— Иви. А ты?

— Лисса.

Она сделала шаг в комнату. Потом ещё один. Иви заметила, как она держится за косяк, прежде чем отпустить его, — так держатся те, кому трудно идти.

— Ты та, про которую брат говорил? — спросила Лисса.

— Не знаю. Он про меня ничего не говорил.

— Говорил. — Лисса подошла ближе. — Он сказал, что привезёт кого-то, кто будет жить с нами. Он никогда раньше никого не привозил.

Она остановилась у кровати и посмотрела на Иви так внимательно, что та почувствовала себя неуютно.

— Ты правда пустая? — спросила Лисса.

Иви замерла.

— Что?

— Брат сказал, ты пустая. Что у тебя нет магии. Совсем.
— Лисса наклонила голову. — Это правда?

— Правда.

— И тебе не больно, когда он рядом?

Иви не знала, что ответить. Но что-то в лице девочки — надежда, смешанная с чем-то похожим на страх, — заставило её сказать правду.

— Не больно.

Лисса выдохнула. Медленно, как будто держала дыхание очень долго.

— Тогда ты ему нужна, — сказала она. — Он не говорит, но я знаю. Ему всегда больно. Всегда. Даже когда он улыбается.

Она помолчала и добавила тише:

— Я слышу, как он ходит ночью. Туда-сюда. Потому что не может спать. Потому что больно.

Иви смотрела на неё и чувствовала, как что-то внутри сжимается. Она не просила этого знать. Не хотела. Но теперь знала, и это знание уже нельзя было отменить.

— Ты тоже болеешь? — спросила она.

Лисса кивнула.

— Как он?

— Нет. — Девочка покачала головой. — Он забирает. А я... — она замялась, подыскивая слово, — я отдаю. Всё время. Даже когда не хочу.

Она посмотрела на свои руки — тонкие, бледные, с синеватыми венами.

— Поэтому я не выхожу из дома. Поэтому ко мне никто не приходит. Я слишком много беру.

Иви хотела спросить, что это значит. Хотела понять. Но дверь снова открылась, и на пороге появился Кайрос.

Он смотрел на Лиссу, и в его лице было столько всего сразу — злость, нежность, страх, — что Иви отвела взгляд.

— Ты должна быть в постели, — сказал он.

— Я хотела её увидеть, — сказала Лисса. — Ты привёз её.

Ты никогда никого не привозил.

Кайрос подошёл и опустился перед сестрой на корточки. Взял её руки в свои — без перчаток, и Иви заметила, что девочка не вздрогнула, не отшатнулась. Значит, между ними было что-то, что позволяло им касаться друг друга.

— Иди, — сказал он тихо. — Пожалуйста. Я приду к тебе вечером. Обещаю.

Лисса кивнула, посмотрела на Иви ещё раз — и вышла. Дверь закрылась.

Кайрос остался на корточках, глядя на закрытую дверь. Потом медленно поднялся и обернулся.

— Она не должна была приходить, — сказал он.

— Почему? Она просто хотела посмотреть, кого ты привёл.

— Потому что она не должна знать, — сказал он, и в голосе появилась жёсткость, которой не было раньше. — Чем меньше она знает о тебе, тем безопаснее для неё.

— Почему?

Он посмотрел на неё, и Иви поняла, что он решает, сколько ей сказать. Сколько правды она выдержит.

— Потому что те, кто охотится за мной, — сказал он, — не остановятся перед тем, чтобы использовать её. А если они узнают, что ты делаешь со мной, они узнают и то, что ты — единственное, что стоит между мной и смертью. И тогда они придут за тобой. Не за мной. За тобой.

Иви почувствовала, как холод проходит по спине. Не от его слов — от того, как он их сказал. Спокойно. Как человек, который знает, о чём говорит, потому что уже видел это раньше.

— Кто они? — спросила она.

Кайрос помолчал.

— Люди, которые хотят, чтобы я умер, — сказал он. — И они не из Тенебры.

Он подошёл к окну и посмотрел на двор, на серое небо, на деревья, которые качались от ветра.

— Завтра я расскажу тебе больше, — сказал он. — Сейчас

отдыхай. Ты плохо спала.

Иви хотела возразить. Хотела сказать, что не будет спать, пока не узнает всё. Но усталость, которую она держала в узде всю ночь, навалилась разом, и она поняла, что не сможет.

— Хорошо, — сказала она.

Кайрос кивнул. Он уже был у двери, когда она окликнула его:

— Кайрос.

Он остановился. Не обернулся.

— Спасибо, что сказал мне правду, — сказала Иви. — Даже если не всю.

Он молчал. Потом вышел и закрыл за собой дверь. Утром Иви проснулась от холода.

Окно, которое она вчера не закрыла на щеколду, распахнулось от ветра, и в комнату набился туман — густой, молочный, пахнувший мокрым камнем. Иви выбралась из-под одеяла, закрыла окно и выглянула во двор. Внизу, у конюшни, кто-то уже возился с лошадьми. Дальше, за домом, обрыв

уходил в белую пустоту — туман съел и небо, и землю, и всё, что было за краем.

Она оделась в платье, которое принесла Марта, и спустилась.

В столовой было тепло. На столе стоял чайник, хлеб, масло, варёные яйца. Марта хлопотала у печи, и когда Иви вошла, обернулась и кивнула на стол — садись, мол. Иви села.

— Кайрос уехал ещё до рассвета, — сказала Марта, не дожидаясь вопроса. — Вернётся к вечеру. Сказал, чтобы ты не скучала.

— А что я должна делать?

— Что хочешь. — Марта вытерла руки о фартук. — Дом большой, дел хватает. Но он сказал не нагружать тебя. Сказал, ты гостья.

Иви усмехнулась. Гостья, которую нельзя отпустить.

— А Лисса? — спросила она. — Она завтракает с нами?

Марта помолчала. Поставила на стол кружку, потом ещё одну, потом поправила полотенце, висящее у печи, — и толь-

ко тогда ответила:

— Лисса ест у себя. Она редко выходит. Ты её вчера видела, и то чудо.

— Почему чудо?

— Потому что она обычно не подходит к незнакомым. — Марта посмотрела на неё внимательно. — Ты, видать, не такая, как все. Она это чувствует.

Иви не стала спрашивать, что именно чувствует Лисса. Она и так знала ответ, и он ей не нравился.

После завтрака она вышла во двор. Туман уже начал подниматься, и за ним проступили очертания построек — конюшня, кузница, длинный сарай, за ним забор и лес. Всё было крепким, ухоженным, построенным надолго. Не дворец, но и не бедность. Дом человека, который знает, что войны приходят и уходят, а стены должны стоять.

У конюшни её окликнули.

— Эй! Ты новенькая?

Мальчишка лет пятнадцати, веснушчатый, с вилами в ру-

ках, смотрел на неё без враждебности, но и без особой радости.

— Иви.

— Говорят, тебя хозяин привёз. — Он прислонил вилы к стене. — Я Тим. Помогаю по хозяйству.

— А давно ты здесь?

— С рождения. Мой отец был конюхом при старом хозяине. — Тим помолчал. — А теперь я тут главный по лошадям, раз никого больше не осталось.

Он сказал это просто, без жалобы, но Иви услышала в его голосе то, что не нуждалось в объяснении. Война прошла по этому дому. По всем, кто в нём жил.

— А что случилось с остальными? — спросила она.

Тим посмотрел на неё, и в его взгляде появилась настороженность — та, которую она уже видела у Марты, когда речь заходила о прошлом.

— Хозяин не любит, когда об этом спрашивают, — сказал он. — Но ты всё равно узнаешь. Все узнают, рано или поздно.

— Он взял вилы. — Только не от меня. Не моё это дело.

Он ушёл в конюшню, и Иви осталась стоять посреди двора, глядя на лес, который подступал к самому забору.

Она хотела пойти к Лиссе. Не потому, что считала это правильным, — потому что не могла перестать думать о девочке, которая отдаёт всё время, даже когда не хочет. Иви знала, каково это — когда от тебя что-то берут без спроса. Разница была только в том, что у неё брать было нечего.

Комната Лиссы находилась в конце коридора на втором этаже. Дверь была приоткрыта, и Иви, поколебавшись, постучала.

— Входи, — сказала Лисса.

Она сидела на кровати, укутанная в одеяло, с книгой на коленях. Рядом стояла чашка с остывшим чаем. В комнате пахло травами — сушёными, тяжёлыми, как в лавке лекаря.

— Ты пришла, — сказала Лисса, и в её голосе было столько удивления, что Иви стало не по себе. — Мне никто не приходит. Кроме брата и Марты.

— А теперь буду я, — сказала Иви. — Если ты не против.

Лисса подвинулась на кровати, освобождая место. Иви села. Одеяло было тёплым, и девочка рядом тоже была тёплой — не жаркой, не лихорадочной, просто тёплой, как печь, которая ещё не погасла.

— Что ты читаешь? — спросила Иви.

— Истории. Про рыцарей и драконов. — Лисса показала обложку. — Это старая книга. Брат привёз её из Люмерии.

Иви взяла книгу. На форзаце была нарисована карта — два государства, разделённые рекой. Люмерия на западе, Те-небра на востоке. Между ними — тонкая линия, которая на карте выглядела просто границей, а на деле была войной, которая не заканчивалась никогда.

— Ты бывала в Люмерии? — спросила Лисса.

— Нет. Я всю жизнь прожила в приграничной таверне. Дальше мельницы не уезжала.

— А я нигде не была. — Лисса сказала это без грусти, просто как факт. — Брат говорит, что за границей опасно. Что там люди, которые хотят его убить. — Она помолчала. — И меня тоже.

Иви закрыла книгу.

— Почему они хотят тебя убить?

Лисса не ответила сразу. Она смотрела на свои руки — тонкие, бледные, с синеватыми венами, — и Иви снова увидела то же выражение, что и вчера: страх, смешанный с чем-то похожим на стыд.

— Потому что я такая же, как он, — сказала она наконец. — Только хуже. Он забирает, когда хочет. А я забираю всегда. Даже когда сплю. Даже когда не хочу.

— Что ты забираешь?

— Жизнь. — Лисса подняла глаза. — Я не могу это остановить. Всё, что растёт рядом со мной, вянет. Птицы не прилетают к моему окну. Цветы, которые мне приносят, засыхают за день. — Она помолчала. — Марта говорит, что это не моя вина. Но я всё равно чувствую.

Иви смотрела на неё и думала о том, что сказал Кайрос вчера: «Она больна. Ты поймёшь, когда увидишь». Теперь она понимала. И понимала, почему он прячет сестру, почему не пускает в дом посторонних, почему боится, что кто-то

узнает о её существовании.

Девочка, которая забирает жизнь всем, к кому прикасается. И брат, который забирает силу. Двое, которые не могут жить среди людей, потому что люди для них — еда.

— А я? — спросила Иви. — Я тоже вяну?

Лисса посмотрела на неё внимательно. Потом покачала головой.

— Нет. Ты не вянешь. — Она протянула руку и коснулась пальцами запястья Иви. — Я чувствую, что должна забрать, но не могу. Как будто ты — закрытая дверь. — Она улыбнулась, и улыбка была слабой, но настоящей. — Это приятно. Впервые кто-то рядом, и мне не страшно.

Иви не знала, что сказать. Она смотрела на тонкие пальцы на своём запястье и чувствовала, как что-то в груди сжимается — не от жалости, а от чего-то более острого. От понимания.

— Ты знаешь, что я делаю с твоим братом? — спросила она.

— Знаю. — Лисса убрала руку. — Ты его лечишь. Он не

говорит, но я вижу. Когда он возвращается после того, как был рядом с тобой, он не ходит ночью. Он спит. — Она помолчала. — Раньше он никогда не спал.

Иви отвернулась к окну. Туман почти рассеялся, и за ним проступило небо — серое, ровное, без единого просвета.

— Я не просила этого, — сказала она тихо.

— Я знаю, — сказала Лисса. — Но это уже не важно. Ты здесь. И он спит.

Кайрос вернулся к вечеру, когда солнце уже село и в доме зажгли лампы. Иви слышала, как во дворе застучали копыта, как Тим побежал открывать ворота, как Марта загремела посудой на кухне. Она сидела в столовой, у окна, с книгой Лиссы на коленях, но не читала — смотрела на двор.

Он вошёл в дом, и с ним вошёл холод. Плащ был мокрым, волосы прилипли ко лбу, лицо осунулось, как будто он не спал не одну ночь, а три.

— Ты голоден? — спросила Марта, выходя из кухни.

— Нет. — Он снял плащ и повесил у двери. — Где Иви?

— В столовой.

Он вошёл и остановился на пороге. Иви подняла голову. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и она чувствовала, как голод — не её, его — тянется к ней через комнату, как рука, которую он не решался протянуть.

— Ты уходила из дома? — спросил он.

— Нет. Я была здесь. С Лиссой.

Он ничего не сказал. Но что-то в его лице изменилось — не облегчение, не благодарность, а что-то более сложное, похожее на боль.

— Она с тобой говорила? — спросил он.

— Да.

— О чём?

— О тебе. О том, что ты не спишь по ночам.

Кайрос подошёл и сел напротив. Не рядом — напротив,

через стол, как будто расстояние было для него важнее близости. В свете лампы его лицо казалось моложе, чем днём, но и усталее. Под глазами лежали тени, которых утром не было.

— Ты рассказала ей что-нибудь? — спросил он.

— Что я пустая. Что мне не больно рядом с тобой. — Иви помолчала. — Она и так это знала. Она видит больше, чем ты думаешь.

Кайрос опустил взгляд. На столе стояла чашка с чаем, которую Марта принесла ему, — он не взял её.

— Я не хочу, чтобы она знала, — сказал он. — Чем меньше она знает, тем меньше у неё будет причин бояться.

— Она уже боится.

— Знаю. — Он поднял глаза. — Но это другой страх. Тот, который её защищает. — Он помолчал. — А страх, который приходит с правдой, делает людей безрассудными. Я не могу допустить, чтобы она была безрассудной.

Иви смотрела на него и понимала, что он говорит не только о Лиссе. Он говорил о себе. О том, что сам был безрассудным когда-то, и это ему дорого стоило.

— Что случилось с остальными? — спросила она. — Тим сказал, что в доме раньше было больше людей.

Кайрос не ответил. Он смотрел на чашку с чаем, на тёмную поверхность, в которой отражалась лампа.

— Они погибли, — сказал он наконец. — Все. Кроме Тима, Марты и Лиссы. — Он поднял глаза. — Это было три года назад. На нас напали ночью. Те, кто охотится за мной, пришли за мной, но нашли их.

— Почему они пришли?

— Потому что я был неосторожен. — В его голосе не было эмоций, только ровная констатация факта. — Я убил не того человека. Оставил след. Они пошли по нему.

Иви молчала. Она ждала, что он скажет что-то ещё, но он молчал тоже. Лампа горела ровно, тени в углах комнаты были неподвижны.

— Ты винишь себя, — сказала она.

— Вина — это роскошь, — ответил он. — Я не могу её себе позволить.

— Но ты всё равно винишь.

Он посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, от чего ей стало холодно. Не злость. Не обида. Что-то более страшное — понимание, что она права, и что он не хочет об этом говорить.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — сказал он.

— А ты слишком мало отвечаешь.

Он не усмехнулся. Не отвёл взгляда. Потом отодвинул стул и встал.

— Завтра я уеду снова. Вернусь через два дня. — Он подошёл к двери. — Ты можешь ходить где хочешь. Говорить с кем хочешь. Но не выходи за забор. И не открывай ворота, если я не вернусь.

— А если ты не вернёшься?

Он остановился в дверях.

— Тогда уходи, — сказал он. — Возьми лошадь. Возьми еду. И уходи. Тим покажет дорогу.

Он вышел, и Иви осталась одна в столовой, с чашкой остывшего чая, которую он так и не выпил. Кайрос уехал на рассвете, и Иви слышала, как за окном стучат копыта — сначала по двору, потом по дороге, потом всё тише, пока звук не растворился в тумане.

Она оделась и спустилась. Марта уже хлопотала на кухне, и на столе стояла та же кружка, что и вчера, — только теперь рядом с ней лежала записка, сложенная вдвое. Иви развернула.

Почерк был резким, угловатым, как будто человек, который писал, не привык тратить время на буквы.

«В конюшне есть гнедая кобыла. Её зовут Пыль. Она старая, но ходит ровно. Если что — Тим поможет».

Иви перечитала записку дважды. Потом усмехнулась — впервые за всё это время. Он оставил ей лошадь. На случай, если не вернётся.

После завтрака она пошла к Лиссе. Дверь была открыта, и девочка сидела на кровати, уже одетая, с книгой на коленях — той же самой, про рыцарей и драконов.

— Ты снова пришла, — сказала Лисса, и в её голосе было столько радости, что Иви почувствовала укол совести. Она пришла не потому, что хотела быть доброй. Она пришла потому, что не знала, чем ещё заняться в чужом доме, где всё было не её.

— Пришла, — сказала она. — Расскажи мне, что ты читаешь.

Лисса рассказала. Потом ещё раз. Потом начала сначала, потому что забыла, на чём остановилась. Иви слушала и постепенно поняла: девочка не столько читает, сколько пересказывает — по памяти, потому что книгу она знала наизусть. Она жила в этих историях, потому что в своей жизни жить было слишком больно.

— А ты? — спросила Лисса, когда история закончилась. — Ты читала что-нибудь?

— В таверне не было книг. Только счётные записи и меню.

— А что ты делала?

— Работала. — Иви пожала плечами. — Мыла посуду, носила подносы, убирала комнаты. Иногда готовила, если повар заболел.

— И тебе нравилось?

Иви задумалась. Она никогда не спрашивала себя об этом. Работа была работой — она давала еду и крышу, и этого хватало.

— Не знаю, — сказала она. — Наверное, нет. Но это было лучше, чем ничего.

Лисса кивнула так серьёзно, как будто Иви открыла ей важную истину.

— А у меня никогда не было работы, — сказала она. — Брат говорит, что я должна отдыхать. Но отдыхать всё время скучно.

Иви посмотрела на неё и вдруг подумала: а ведь эта девочка не просто больна. Она одинока. По-настоящему, глубоко одинока, и её брат, который делает всё, чтобы её защитить, сам является частью этой клетки.

— Хочешь, я научу тебя чему-нибудь? — спросила Иви. — Чему-нибудь полезному.

Лисса просияла.

— Чему?

— Шить. Или готовить. Или считать. — Иви помолчала.

— Или врать.

— Врать? — Лисса округлила глаза.

— Иногда это полезно. — Иви усмехнулась. — Особенно когда тебя спрашивают, не хочешь ли ты ещё одну порцию, а ты хочешь, но не хочешь, чтобы об этом знали.

Лисса засмеялась — впервые за всё время, что Иви её знала. Смех был тихий, хрипловатый, как будто девочка давно им не пользовалась, но он был настоящим.

Они провели вместе всё утро. Иви учила её считать на пальцах, Лисса учила её названиям трав, которые росли в саду за домом. К обеду пришла Марта и сказала, что Лиссе пора отдыхать, и девочка ушла, оглянувшись на Иви с таким видом, как будто боялась, что она исчезнет.

Иви осталась одна. Она вышла во двор, дошла до забора и посмотрела на лес. За забором было тихо — только ветер и птицы, которых Лисса не слышала.

Она вернулась в дом. В столовой её ждала Марта с чайником и ещё одной запиской — на этот раз не сложенной, а просто положенной на стол.

«В библиотеке есть книги. Если хочешь, возьми любую. Только не трогай ту, что в зелёном переплёте».

Иви поднялась на второй этаж и нашла библиотеку — небольшую комнату в конце коридора, с полками до потолка и тяжёлым столом у окна. Книг было много. Не как в таверне — здесь были настоящие книги, с кожаными корешками и золотыми буквами. Иви провела пальцем по полке и остановилась на зелёном переплёте — том самом, который трогать было нельзя.

Она не тронула.

Взяла другую — с потёртой обложкой, без названия на корешке. Открыла. Внутри был рисунок — женщина с ребёнком на руках, и подпись внизу, выцветшая, почти неразличимая: «Лисса, два года».

Иви закрыла книгу. Посмотрела на полку. Потом на зелёный переплёт, который так и стоял нетронутым.

Она поняла, что это за книга. И поняла, почему Кайрос

не хочет, чтобы её трогали.

Вечером она сидела в столовой, когда услышала стук копыт. На этот раз он вернулся раньше — через день, а не через два, и вошёл в дом не один.

С ним был человек. Высокий, в тёмном плаще, с лицом, которое Иви не смогла разглядеть под капюшоном. Они о чём-то говорили в прихожей — тихо, быстро, — и Иви уловила только обрывок: «...на границе. Двое. Они знают, что он не один».

Кайрос вошёл в столовую и закрыл за собой дверь. Лицо у него было жёстче, чем обычно.

— Собирайся, — сказал он. — Мы уезжаем.

— Куда?

— В Тенебру. В столицу. — Он помолчал. — Ко двору.

Иви встала.

— Почему?

— Потому что здесь оставаться опасно. — Он посмотрел

на неё, и в его глазах было что-то, чего она раньше не видела, — не страх, а решимость. — И потому что император хочет тебя видеть.

— Император? — Иви почувствовала, как холод проходит по спине. — Зачем?

— Он хочет знать, что ты такое. — Кайрос шагнул ближе. — И я не могу ему отказать.

Иви смотрела на него и понимала: это не приглашение. Это приказ. И человек, который мог убить её одним касанием, сейчас боялся — не за себя. За неё. Дорога до столицы заняла четыре дня.

Иви ехала рядом с Кайросом, и с каждым днём мир вокруг менялся. Приграничные леса редели, уступая место полям, выжженным солнцем и ветром. Деревни становились чаще, но людей на дорогах было мало — те, кто попадался навстречу, отводили глаза и спешили уступить путь. Иви заметила это на второй день. На третий поняла: они уступали не ей. Ему.

— Они тебя боятся, — сказала она, когда очередной возчик свернул на обочину, едва завидев их лошадей.

— Правильно делают, — ответил Кайрос.

— Но ты же не сделал им ничего.

Он помолчал.

— Им не нужно, чтобы я что-то делал. Достаточно того, что я могу.

На ночь они останавливались в постоянных дворах, и каждый раз повторялось одно и то же: хозяин бледнел, слуги говорили шёпотом, комнаты для них находились мгновенно, хотя для других постояльцев мест не было. Кайрос платил — щедро, больше, чем стоило, — и это пугало людей ещё сильнее. Иви видела, как они провожают его взглядами: не злыми, не ненавидящими — затравленными.

На третий вечер она не выдержала.

— Расскажи мне, — сказала она, когда они сидели в комнате вдвоём. — Что ты сделал, чтобы тебя так боялись?

Кайрос сидел у окна, глядя на улицу. За стеклом шёл дождь, и капли стучали по подоконнику, как чужие шаги.

— Я родился, — сказал он.

— Это не ответ.

— Это ответ. — Он обернулся. — В Тенебре магия — это голод. Мы рождаемся с ним, и он растёт вместе с нами. У кого-то он слабее, у кого-то сильнее. У меня он был сильнее всех. — Он помолчал. — Когда мне было девять, я убил человека. Не хотел. Просто коснулся его, когда он схватил меня за руку. Он хотел меня ударить, а я испугался. И забрал его.

Иви молчала. Она ждала, что он скажет что-то ещё, но он не сказал.

— А потом? — спросила она.

— Потом была война. — Он повернулся к окну. — Император увидел, на что я способен, и сделал меня Палачом. Я убивал тех, кого он указывал. Это было проще, чем голодать. Пока не стало сложнее.

— Что изменилось?

— Лисса. — Он произнёс это имя тихо, как будто оно было хрупким. — Когда она родилась, я понял, что не могу быть только оружием. Что кто-то должен защищать её. А для

этого нужно было выжить. А для этого — служить.

Иви смотрела на его спину — широкую, прямую, напряжённую — и думала о том, что он сказал в первый вечер. «Я не умею предлагать. Я умею только забирать». Теперь она понимала почему.

— А император? — спросила она. — Он знает про Лиссу?

Кайрос помолчал.

— Он знает, что она существует. Он не знает, где она. И не узнает.

— А если узнает?

Он обернулся. В его глазах было что-то, от чего у Иви перехватило дыхание.

— Тогда я убью его, — сказал он.

Он сказал это спокойно. Без угрозы, без ярости. Как человек, который уже всё решил и ждёт только повода.

Столица Тенебры называлась Ноктис.

Иви увидела её на четвёртый день, когда дорога вывела их на вершину холма. Город лежал внизу, чёрный и острый, как осколок стекла. Стены из тёмного камня поднимались к небу, башни торчали, как иглы, и над всем этим висел дым — не серый, как от пожаров, а тёмный, почти фиолетовый, который не рассеивался, а полз по крышам, как живой.

— Это не огонь, — сказала Иви.

— Нет, — ответил Кайрос. — Это магия. Город дышит ею.

Они въехали в ворота на закате. Стража пропустила их без вопросов — только склонила головы, когда Кайрос проезжал мимо. Иви заметила, как один из стражников отступил на шаг, когда их лошади поравнялись с ним. Не из страха перед ней. Перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.